

Глава 3

Карл XII

17 июня 1682 года родился светловолосый, голубоглазый мальчик, которому суждено было стать королем Швеции Карлом XII. Он появился на свет почти ровно через десять лет после рождения своего великого соперника – русского царя Петра. Родителями Карла были Карл XI – суровый, глубоко религиозный человек, ставший королем в пятилетнем возрасте, и королева Ульрика Элеонора, датская принцесса, которая благодаря своей доброте и сердечности сумела сохранить расположение датского и шведского народов даже тогда, когда между этими странами шла война. За первые семь лет и девять месяцев их брака на свет появилось семеро детей, но выжило только трое: принц Карл и две его сестры – Ульрика Элеонора, которая была младше его на шесть лет, и Хедвига София, которая была старше брата на год. Четверо младших братьев умерли один за другим в младенчестве.

Хотя Карл от рождения телом был некрепок, его с детства приучали к физическим упражнениям, «мужскому» образу жизни. Крохотная фигурка четырехлетнего малыша, скачущего вслед за отцом на воинских смотрах, стала привычным зрелищем для жителей Стокгольма. В шесть лет от него удалили женскую прислугу, а ему самому предоставили собственные апартаменты, где его наставниками и слугами были мужчины. В семь лет принц застрелил лисицу, в восемь за день добыл трех оленей, в десять убил своего первого волка, а в одиннадцать – медведя. В одиннадцать лет он лишился материнской ласки – ушла из жизни королева, которой было всего тридцать шесть лет. Ульрику в семье боготворили: узнав о ее смерти, король упал в обморок, и ему пришлось пустить кровь, а Карл с нервной горячкой слег в постель. Вскоре после этого он подхватил оспу, но поправился и стал еще крепче, чем до болезни. На лице остались глубокие оспины, которыми он гордился как свидетельством мужественности. В четырнадцать лет Карл был стройный и мускулистый юноша, превосходный наездник, великолепный охотник; он с жадностью изучал воинские науки.

После кончины королевы Ульрики Карл XI старался как можно больше времени проводить с детьми, напоминая им об их матери. Принц перенял многие отцовские взгляды и подражал его манерам: выражался он сухо, лаконично и сдержанно, но за туманностью его высказываний таились проблески живого, острого ума. Превыше всего он ставил честь и верность данному слову. Для короля ничего нет важнее справедливости и чести: единожды дав слово, он обязан его сдержать.

Наставники Карла находили у него хорошие способности, и учение давалось ему без труда. Он не обращал особого внимания на шведский язык, и всегда говорил и писал на нем не слишком правильно. Немецким, на котором говорили при дворах всех северных стран, он владел с легкостью и пользовался им как родным. Принц превосходно знал латынь, говорил на ней и с удовольствием слушал университетские лекции. Учили его и французскому, но ни в юности, ни в зрелые годы он не любил говорить по-французски, хотя читал свободно и был поклонником французского театра. За пятнадцать лет, проведенных в военных кампаниях на континенте, он прочел и перечел Корнеля, Мольера и Расина. Он мечтал о путешествиях и с жадностью поглощал описания дальних стран и рассматривал рисунки и карты, выполненные путешественниками и исследователями. Ребенком он сокрушался о том, что у него нет брата, который мог бы управлять Швецией, пока он будет путешествовать по свету. История и жизнеописания, особенно великих полководцев – таких, как Александр Македонский, Юлий Цезарь, и шведский король Густав Адольф, – приводили его в восторг. Впоследствии он не расставался с биографией Александра Македонского, брал ее во все свои походы и с ней сверял свои военные успехи. Карл интересовался и вопросами религии. В юности он каждое утро проводил один час в беседах с епископом, разбирая одну за другой главы Священного Писания. Как и Петра, его занимала математика и особенно ее применение в артиллерии, баллистике и фортификации. Наставников радовало, что мальчик все схватывает на лету, но тревожила избыточная сила его воли, чтобы не сказать – упрямство. Если уж принц решил, что он прав, никто не мог его переубедить.

Обучение Карла, начавшееся так успешно, прекратилось, когда ему минуло четырнадцать. 5 апреля 1697 года в возрасте сорока двух лет от рака желудка скончался король Карл XI. Согласно обычаю, шведский принц считался совершеннолетним и мог быть коронован только по достижении восемнадцати лет, и поэтому умирающий король назначил регентский совет, в который вошла бабушка наследника – вдовствующая королева Хедвига Элеонора. После смерти отца Карл бывал на заседаниях регентского совета и произвел прекрасное впечатление своими разумными вопросами, а главное, тем, что предпочитал молчать и слушать рассуждения старших. Он поразил всех выдержкой и самообладанием во время большого пожара, который уничтожил королевский дворец. Это случилось, когда тело короля еще было выставлено в одном из залов дворца для торжественного прощания. В отличие от бабушки, которая совершенно потеряла голову, мальчик невозмутимо отдавал приказание и сумел спасти тело отца из пламени, хотя дворец сгорел дотла.

Не прошло и полугода, как стало очевидно, что регентский совет недееспособен. Регенты постоянно расходились во мнениях, не могли прийти к общему решению. Карл же был слишком умен и властолюбив, чтобы оставаться в стороне, когда другие правят его королевством. Регенты помнили о том, что, в соответствии с завещанием покойного короля, им предстоит ответить за свои действия перед новым монархом, когда тот достигнет совершеннолетия, и стремились выяснить его мнение по каждому обсуждавшемуся вопросу. Принца постоянно окружали люди, старавшиеся снискать его расположение, и власть регентского совета оказалась весьма ограниченной. Правительство Швеции было фактически парализовано. В ноябре 1697 года было принято единственно возможное решение – объявить, что пятнадцатилетний принц достиг совершеннолетия, и короновать его на шведский трон.

Церемония коронации Карла потрясла его соотечественников. Принц, унаследовавший корону, как единственный и абсолютный властелин Швеции, власть которого не ограничена никаким советом и парламентом, считал, что его коронация должна подчеркнуть это обстоятельство. Карл отказался короноваться так, как это делали до него все шведские короли, – он не желал, чтобы кто-то возлагал корону ему на голову. И вообще, поскольку он не избранный, а наследственный король, то и сам акт коронации неуместен. Государственные деятели Швеции – и либералы, и консерваторы – и даже его собственная бабушка пришли в ужас. Тщетно Карла пытались переубедить – он не уступил своей принципиальной позиции. Он согласился лишь на обряд помазания архиепископом в знак того, что монарх есть помазанник Божий, однако настоял на том, чтобы эта церемония именовалась не коронацией, а помазанием на трон. Когда пятнадцатилетний Карл ехал в церковь, на его голове уже красовалась корона.

Любителям всяческих предзнаменований было на что посмотреть во время этой церемонии. По приказу нового короля все присутствовавшие, не исключая и его самого, были облачены в траур, дабы почтить память его почившего отца: единственным ярким пятном была пурпурная коронационная мантия Карла. Сильный снежный буран, разразившийся перед прибытием гостей в церковь, создавал контраст белого снега и черных одежд. Когда король, увенчанный короной, сидел на коня, он поскользнулся, корона свалилась, но, не успев коснуться земли, была подхвачена пажом. Во время богослужения архиепископ уронил сосуд с миром. Карл отказался принести традиционную королевскую присягу, а затем, в самый торжественный момент, сам возложил себе на голову монарший венец.

За этим необыкновенным зрелищем последовали и другие свидетельства своенравия нового короля. Дворянство, которое рассчитывало, что Карл смягчит суровые указы о редукации, было разочаровано, поняв, что молодой монарх намерен продолжать политику своего отца. Члены совета только качали головами: король самоуверен, упрям и ни за что не соглашается изменить однажды принятое решение. На заседаниях он обычно некоторое время прислушивался, потом вставал и, прервав обсуждение, заявлял, что сказанного достаточно, чтобы он составил свое мнение, и посему он позволяет членам совета удалиться.

Шведские сановники не раз пожалели о своем поспешном решении объявить короля совершеннолетним, но было уже поздно. Теперь и они сами, и могущественнейшая держава европейского севера оказались под властью своевольного и упрямого юнца. Чувствуя, как зреет недовольство, Карл решил если и не вовсе распустить совет, то принизить его значение. Престарелым советникам и министрам часами приходилось дожидаться в приемной, пока король соблаговолит их принять, чтобы затем, едва выслушав их доводы, почти сразу отпустить. О решениях, принятых по делам государственной важности, они узнавали лишь по прошествии времени.

С учебой было покончено: вместо уроков Карл занимался государственными делами. Но энергичного, крепкого юношу влекли упражнения, требующие больших физических усилий, ему хотелось проверить силу духа и тела в разнообразных испытаниях. Чтобы немного отвлечься и хоть на время забыть об ответственности, не слышать упреков и не ловить укоряющих взглядов старших, он садился на коня и надолго покидал дворец. Желая дать выход неумейной энергии и стряхнуть с себя бремя забот, Карл сосредотачивался на конкретных задачах – одолеть верхом высокую стену, в бешеной скачке перегнать какого-нибудь приятеля – и этим доводил себя до изнеможения. Зимой, в предрассветном полумраке, Карл покидал дворец в сопровождении пажа и офицера гвардии и скакал верхом через леса, мимо озер, окружающих столицу. Случались и происшествия. Раз, увязнув в глубоком снегу, конь повалился на него, придавив так, что он не мог пошевелиться. Как обычно, он далеко обогнал своих спутников, и к тому времени, когда они его обнаружили, он чуть было не замерз. В другой раз Карл верхом ехал через покрытое льдом озеро – до противоположного берега было уже рукой подать, когда перед ним открылась пятнадцатифутовая полынья. Не умея плавать, он направил коня в ледяную воду, а сам приник к его спине и таким образом добрался до берега.

Что бы он ни затевал, ему нужно было ощущать дразнящий вкус опасности. И чем больше она была, тем больше она его возбуждала и привлекала. Из желания доказать, на что он способен, Карл пустил своего коня вверх по крутому утесу – и конь, и всадник кувырком скатились вниз: конь покалечился, король остался цел и невредим. С головокружительной скоростью он скатывался на санях с ледяных гор; иногда соединяли несколько саней, и с крутого склона неслась длинная вереница. Весной, летом и осенью Карл ходил на охоту. Отправляясь на поиски медведя, он брал с собой лишь пику и саблю, полагая, что охотиться с огнестрельным оружием пристало только трусу. Потом он решил, что использовать сталь – тоже недостойно, и с тех пор вооружался лишь крепкой деревянной рогатиной. Забава заключалась в том, чтобы раздражить загнанного в угол медведя и заставить его встать на задние лапы, а тогда резко рвануться вперед, всадить ему в горло рогатину и опрокинуть наземь, после чего спутники короля спешили набросить на зверя сеть.

Еще большие опасности таили в себе столь любимые Карлом военные потехи. Как и Петр в Преображенском, Карл делил своих друзей и слуг на две команды и вооружал их палками и картонными ручными гранатами, которые считались безопасными, хотя последствия их взрывов бывали порой болезненны. Однажды, когда король штурмовал снежную крепость, взрывом такой гранаты ему изорвало одежду, а несколько его друзей были ранены.

Самым близким товарищем короля и его постоянным противником в военных забавах был Арвид Горн – молодой капитан драбантов – привилегированных кавалерийских частей королевской гвардии. В сущности, подразделения драбантов представляли собой корпус по подготовке младших офицеров шведской армии. На рядового кавалериста смотрели как на будущего лейтенанта, и поэтому он получал лейтенантское жалованье. Вместе с Горном Карл, как одержимый, осваивал насыщенную и часто требовавшую большого физического напряжения учебную программу драбантов. Нередко две группы всадников на неоседланных конях – одну из них возглавлял Карл, другую Горн – имитировали кавалерийскую схватку, используя в качестве оружия крепкие ореховые палки. Удары наносились изо всех сил, и попадало всем, не исключая короля. В одной такой потасовке Карл, обмениваясь ударами с

Горном, вспыхнул и неожиданно ударил своего противника по лицу, что не позволялось правилами. Случайно удар Карла пришелся по воспаленному фурункулу на щеке Горна. Капитан без чувств свалился с лошади, его уложили в постель, и у него началась лихорадка. Мучаясь сознанием своей вины, Карл навещал товарища каждый день.

Иногда потешные баталии проводились на море. Королевская яхта и другие корабли, стоявшие в стокгольмской гавани, вместо пушек были оснащены пожарными насосами и брандспойтами. В одном из таких потешных боев Горн сорвал с себя почти всю одежду, прыгнул с яхты в шлюпку и направил ее навстречу королевскому кораблю. Мощные струи из брандспойтов залили его маленькую лодку, и она начала тонуть. Горн прыгнул в воду и спокойно поплыл к королевскому кораблю. Карл, перевесившись через борт, спросил приятеля, не трудно ли это – плавать? «Ничуть, – крикнул в ответ Горн, – если не бояться». Задетый этим вызовом, Карл немедленно прыгнул за борт. Он неистово барахтался, но, увы, плавать не умел и мог утонуть, если бы Горн не ухватил его за одежду и не вытащил на берег.

Старшим поведение короля представлялось безумной бравадой, тогда как Карл таким образом готовил себя к опасностям войны. Он твердо решил стать закаленным и выносливым. Проспав полночи в постели, он вылезал из-под одеяла и остаток ночи спал полураздетый на голом полу. Как-то зимой он провел три ночи в промерзшей конюшне – спал, не раздеваясь и зарывшись в сено. Он стыдился малейшего проявления слабости. Нежная белая кожа казалась ему слишком женственной, и поэтому он старался загореть. Традиционный парик Карл носил только до своей первой кампании против Дании, потом он выбросил его и больше никогда не надевал.

В детстве он дружил со старшей сестрой Хедвигой Софией. Других подруг среди девочек у него не было, и когда он вырос, то не слишком жаловал женское общество. Он был холоден, высокомерен и вспыльчив, и в нем не было ничего, что могло бы привлечь противоположный пол, за исключением его сана. Многие монархи и министры иностранных дел мечтали заключить альянс с самым могущественным государем Северной Европы путем династического брака. Шесть принцесс из разных государств предлагались ему в невесты, когда он был еще ребенком. Ничего из этого не вышло, да и потом Карла еще долго выводило из себя даже само упоминание о супружестве. Наиболее реальной кандидатурой была принцесса София Датская, пятью годами старше Карла, но после того, как началась Северная война и Дания оказалась в стане врагов Швеции, этот союз сделался невозможным.

Зато другой намечавшийся брак принес ему нового товарища. В 1698 году в Стокгольм прибыл его кузен – Фридрих IV, герцог Гольштейн-Готторпский, чтобы взять в жены Хедвигу Софию. Герцог был на шесть лет старше Карла и еще больший сорвиголова. Он втянул Карла в водоворот сумасбродных выходок, которые продолжались с апреля по август и были прозваны в Швеции «готторпским безумием». В компании прибывших с герцогом молодых удальцов кузены принялись состязаться друг с другом в дерзких и рискованных затеях. Они загоняли коней, пока те, вес в мыли, не валились на землю. Они гоняли зайцев по галереям парламента. Они палили из пистолетов по окнам дворца и выкидывали во двор столы и кресла. По слухам, они «стреляли» за обедом вишневыми косточками в физиономии министров и выбивали подносы из рук лакеев. Среди бела дня они галопом проносились по улицам, размахивая обнаженными шпагами и срывая с прохожих шляпы и парики. А по ночам горожане, разбуженные громкими криками, принимали к окнам и видели своего короля, который в развевающейся рубашке мчался следом за герцогом. Однажды король вместе со своими голштинскими приятелями на коне въехал в комнату, где вдовствующая королева, его бабушка, играла в карты, до смерти перепугав почтенную даму.

Многие из этих историй грешили преувеличениями, притом намеренными – из желания бросить тень на непопулярного герцога и предстоящий союз. Нет свидетельств достоверности рассказов о кровавых оргиях во дворце, во время которых двое юношей срубали головы овцам, чтобы определить, кто из них сильнее и лучше владеет клинком. Но слухи не затихали: рассказывали, что полы во дворце скользкие от крови, кровь ручьями

течет по лестницам, а из окон дворца вышвыривают отрубленные головы животных.

Неизвестно, много ли правды было в этих рассказах, но беспутное поведение молодых шалопаев, которых из-за их высокого положения никто не мог приструнить, вызвало сильное негодование жителей Стокгольма. Во всем винили герцога. Поговаривали, что, возможно, он втягивает короля в опасные проделки, рассчитывая погубить его, ведь через сестру короля он мог бы сам претендовать на шведский трон. По мере того как бесчинства продолжались, ропот становился все громче. Как-то в воскресенье сразу три стокгольмских пастора произнесли проповеди на одну и ту же тему: «Горе тебе, о страна, в которой правит ребенок!» Эти предостережения больно задели Карла, который, как и его отец, был искренне набожным. В августе 1698 года, когда герцог женился на его сестре и уехал к себе в Гольштейн, Карл притмирел, посерьезнел и вновь обратился к государственным делам. Он рано вставал, больше времени посвящал молитве и начал проявлять интерес к архитектуре и театру.

Но он чуть было не вернулся к старому, когда летом 1699 года вновь пожаловал герцог Фридрих. Была устроена грандиозная попойка, во время которой ручного медведя так напоили испанским вином, что он вывалился из окна и разбился насмерть. В эпилоге этой сцены очевидцы увидели Карла: одежда его была в беспорядке, а речь бессвязна. Когда он понял, что натворил, то глубоко устыдился и поклялся бабушке больше никогда в жизни не брать в рот ни капли спиртного. Как истинный протестант, он соблюдал данный зарок до конца своих дней. За исключением двух известных случаев – раз, когда он был ранен, и другой, когда он изнемогал от жажды в разгар битвы, – он не прикасался к спиртному. В Европе он слыл королем, который не пьет ничего крепче слабого пива.

* * *

Восемнадцатилетний Карл охотился на медведя в лесной чаще, когда ему сообщили, что войска Августа вторглись в шведскую Ливонию. Внешне он воспринял это известие спокойно и, обратившись с улыбкой к французскому посланнику, сказал: «Мы заставим короля Августа убраться восвояси». По возвращении в Стокгольм Карл заявил совету: «Я никогда не начну несправедливой войны, но войну справедливую я намерен продолжать до тех пор, пока враг не будет повержен». Всю жизнь он придерживался этого принципа, поставив его выше политических интересов, а может быть, и доводов рассудка. Позднее, когда он получил не столь уж неожиданное известие о том, что датский король Фредерик начал войну, вторгшись на территорию Гольштейна, Карл сказал: «Забавно, что оба моих кузена, Фредерик и Август, хотят воевать со мной. Пусть так. Но король Август нарушил свое слово. А потому наше дело правое, и Бог нам поможет. Сперва я покончу с одним противником, а потом разберусь и с другим». Тогда Карл не знал, что против него готовится выступить и третий противник – русский царь Петр.

Военный престиж Швеции был достаточно высок, и противники реально оценивали шведскую мощь. Но они видели, что Швецию ослабляет состояние верховной власти. Вся власть и ответственность – гражданская и военная – лежала на плечах восемнадцатилетнего короля. Конечно, у Карла могли быть советники и министры, наставники, генералы и адмиралы, но при всем том он был абсолютный монарх и, судя по донесениям, поступал то как упрямец и грубиян, то как бесшабашный сорвиголова. Для того чтобы возглавить сопротивление нации сразу трем могущественным противникам, такое сочетание качеств представлялось не совсем подходящим.

Но противники Карла, на свою беду, не знали, да и не могли знать истинного характера короля. Юноша, грезивший о славе Цезаря и Александра Македонского, не боялся предстоящего испытания – он приветствовал его. Карл был готов не просто к войне, а к войне свирепой, отчаянной, масштабной. Его не устраивал поспешный мир, заключаемый после первого же сражения, – у него были далеко идущие планы. Отец перед смертью советовал ему всеми силами удерживать Швецию от войны, «если только тебя за волосы не

втащат в нее». Но вот на страну обрушилась «несправедливая война», и тогда заговорила суровая мораль северянина, В отличие от других монархов, он не был склонен колебаться, искать компромиссов, вести интриги против своих противников или улыбаться вчерашнему врагу. Август вероломно напал на него, и теперь Карл не успокоится, пока не свергнет его с трона, сколько бы на это ни ушло времени. Подняв оружие на Карла, союзники вызвали на свою голову грозу. Гордый, пылкий, волевой, готовый ответить на любой вызов и ревностно отстаивать честь Швеции, Карл жаждал испытать свое мужество в величайшей из человеческих игр, и потому вступил в эту войну с решимостью и радостью в сердце.

* * *

Когда Карл говорил: «Сперва я покончу с одним противником, а потом разберусь и с другим», – он кратко сформулировал суть своей военной стратегии. В дальнейшем, независимо от того, что происходило в разных концах Шведской империи, король все внимание и силы сосредотачивал против одного-единственного врага. Первый удар шведов должен был обрушиться на ближайшего из противников Карла – Данию. Он попросту игнорировал тот факт, что саксонские войска вторглись в Ливонию. Защита провинции была возложена на местный гарнизон в Риге, которому оставалось только одно – стараться продержаться до прибытия подкрепления из Швеции. В противном случае город был обречен. Впоследствии Карл сумеет за него отомстить, сейчас ничто не должно мешать концентрации сил против намеченного неприятеля.

Когда Карл проводил кампанию против Дании, ему удалось заручиться поддержкой Вильгельма III, под властью которого находились две протестантские морские державы – Англия и Голландия. Вильгельм, одержимый идеей во что бы то ни стало сохранить великую коалицию против Людовика XIV, созданию которой он посвятил всю свою жизнь, вовсе не желал отвлекаться на локальные северные войны. Главное – чтобы Европа была готова дать отпор в том случае, если Людовику удастся овладеть испанским тронem, а вместе с ним всей мощью и богатствами Испании и ее заморских колоний. Он считал необходимым предотвратить или поскорее закончить всякую войну на территории Европы, чтобы она не могла перекинуться в Германию и подорвать коалицию. Поэтому Англия и Голландия были заинтересованы в сохранении мира в Северной Европе и выступали гарантами статус-кво. Двинув свои войска на территорию Гольштейна – граничившего с Данией герцогства у основания Ютландского полуострова, – Фредерик Датский, по сути, нарушил статус-кво. И поскольку в роли агрессора выступала Дания, две морские державы решили поддержать Швецию, чтобы как можно скорее наказать датчан и восстановить статус-кво. Объединенный англо-голландский флот был направлен в Балтийское море в помощь шведам.

Англо-голландской эскадре отводилось немалое место в планах Карла. Военно-морские силы Швеции состояли из тридцати восьми линейных кораблей и двенадцати фрегатов – на Балтике, где у России не было ни флота, ни портов, а Бранденбург и Польша располагали ничтожными возможностями, это была грозная сила. Но шведский флот и по численности и по опыту уступал датско-норвежскому, которому доводилось действовать не только на Балтике, но и в Северном море и в Атлантике. Датчане с пренебрежением отзывались о шведских моряках как о крестьянах, которых «случайно сунули в соленую воду». В этом, видимо, была доля правды – достаточно вспомнить, как относился к морю сам Карл. Несмотря на опыт потешных баталий в стокгольмской гавани, в открытом море у него начиналась морская болезнь, да и в своих кораблях он видел прежде всего транспортное средство, позволявшее ему переправлять солдат через Балтику. Разумеется, он не собирался пользоваться этим средством как раз тогда, когда более мощный датский флот только и ждал, чтобы перехватить его корабли. Не собирался он и сражаться с датским флотом, пока его военно-морские силы не соединятся с находившейся в пути англо-голландской эскадрой.

Весь март и апрель Швеция настойчиво готовилась к предстоящей кампании. Флот, находившийся на главной военно-морской базе Карлсруна, был подготовлен к выходу в

море: корабли осмотрены, днища очищены, залатаны и законопачены, установлены мачта и оснастка; пушки подняты на борт и установлены в пушечных портах. Было набрано 5000 матросов, и таким образом личный состав флота достиг 16 000 человек. Все торговые суда в стокгольмской гавани как шведские, так и иностранные были реквизированы для использования в качестве военных транспортов. Велась интенсивная подготовка армии. Пехотные и кавалерийские части были пополнены в соответствии со шведской системой, по которой каждый город или округ отвечал за комплектование и снаряжение соответствующего воинского подразделения. Численность армии возросла до 77 000 человек; солдаты были вооружены мушкетами и багинетами нового образца, отлично зарекомендовавшими себя в Европе, где их взяли на вооружение французская, английская и голландская армии.

К середине апреля Карл был готов отплыть из Стокгольма. Вечером 13 апреля 1700 года он пришел проститься с бабушкой и сестрами. Эти печальные минуты расставания были бы намного горестнее, если бы кто-нибудь из них знал, что уготовила им судьба. Хотя восемнадцатилетнему Карлу оставалось прожить еще столько же лет, он никогда не вернется в свою столицу²⁰, не увидит ни бабушку, ни старшую сестру.

Король, отправлявшийся в свой первый поход, возмужал; по меркам того времени, он был высокий – пяти футов девяти дюймов, с широкими плечами и тонкой талией. Держался он прямо, несколько напряженно, но был при этом чрезвычайно гибок. Он мог, свесившись с седла, на полном скаку поднять с земли перчатку. У него было открытое лицо, крупный нос, полные губы, нежная кожа, которая вскоре обветрится и огрубеет от походной жизни. Глаза у него были синие, живые и умные. Он носил короткие волосы, зачесанные с боков наверх, которые летом выгорали на солнце и из рыжевато-каштановых делались русыми. С годами они поседел и поредели, обнажив крутой, высокий лоб.

Расставшись с бабушкой и сестрами, Карл поспешил на юг, инспектируя по пути военные лагеря. 16 июня в Карлскруне он взобрался на борт «Короля Карла», флагманского корабля шведского адмирала Вахтмейстера. Тем временем англо-голландская эскадра в составе двадцати пяти линейных кораблей прибыла на рейд западного шведского порта Гётеборг, и когда Карл отплыл из Карлскруны, союзные корабли двинулись на юг по проливу Каттегат. Теперь оба флота шли навстречу друг другу, но на их пути был защищенный орудиями грозный пролив с отмелями и с фарватером в три мили шириной. Вдобавок ко всему в Балтийском море у входа в главный канал находились сорок боевых кораблей датского флота, целью которых было помешать противникам соединиться.

Именно Карлу удалось найти выход из положения. Он приказал адмиралу Вахтмейстеру провести флот по дополнительному фарватеру, пролежавшему вдоль шведского берега, – мелководному и коварному. Вахтмейстер опасался за безопасность судов, но Карл взял всю ответственность на себя и адмирал неохотно согласился. Один за другим по этому проходу проплывали огромные корабли под сине-желтыми флагами. Пришлось оставить в гавани три самых больших судна, для которых фарватер оказался слишком мелок. Но главное, одним удачным маневром англо-голландская и шведская эскадры объединились и вместе составили флотилию в шестьдесят боевых судов. Датский адмирал не рискнул пренебречь столь очевидным численным превосходством противника, и шведы могли приступить к осуществлению дальнейшего плана. Карл и его генералы намеревались переправить шведскую армию через пролив на датский остров Зеландия, где расположена столица Дании Копенгаген. Поскольку основные силы датчан во главе с королем, вторгшиеся в пределы Гольштейна, находились далеко на юге, шведы рассчитывали быстро продвинуться к Копенгагену, осадить столицу и тем вынудить короля Фредерика принять их условия. План был разработан лучшим полководцем Карла фельдмаршалом Карлом Густавом Реншильдом и получил горячую поддержку короля.

²⁰ Карл XII вернулся в Швецию в ноябре 1714 г., а погиб 30 ноября 1718 г. при осаде крепости Фредриксхаль в датской Норвегии. – *Примеч. ред.*

Английский и голландский адмиралы энтузиазма Карла не разделяли, но в конечном счете тоже согласились.

23 июля, в дождливую и ветреную погоду, был погружен на транспортные суда и отплыл десантный корпус в 4000 человек. Хотя отряд уступал по численности зelandскому гарнизону, насчитывавшему 5000 человек, преимущество шведов состояло в мобильности и в том, что они могли выбрать место высадки. Чтобы сбить датчан с толку, шведы подошли на кораблях к берегу, а сами незаметно пересели в легкие шлюпки и высадились в другом месте. Сойдя на берег, они столкнулись с датским отрядом всего лишь в 800 человек. Под прикрытием огня тяжелых орудий с военных кораблей шведы быстро захватили плацдарм на берегу. Карл и сам прибыл к берегу на шлюпке, причем последние несколько ярдов мелководья ему пришлось идти по воде. Он был страшно раздосадован тем, что к моменту его прибытия противник уже бежал.

Шведы быстро наращивали свои силы. Всего за десять следующих дней через пролив было переправлено еще 10 000 человек, включая артиллерию и кавалерию. Теперь шведы благодаря численному перевесу оттеснили датчан в Копенгаген. Преследуя отступавших, шведы возвели вокруг датской столицы осадные укрепления и приступили к бомбардировке города. Поспешно вернувшийся с юга король Фредерик был напуган и растерян: флот его беспомощен, столица в осаде, а основные силы далеко на юге. Фредерик понял, что побежден, и без проволочек согласился на предложенные Карлом условия. 18 августа 1700 года он подписал Травендальский мирный договор, в соответствии с которым он обязался возвратить захваченные голштинские земли и прекратить войну против Швеции. Карл был удовлетворен – он не имел притязаний на датскую территорию и теперь мог заняться Августом. Англичане и голландцы тоже были удовлетворены: военный конфликт у границ Германии и империи Габсбургов потушен, а статус-кво восстановлен.

Таким образом первая военная кампания Карла оказалась быстрой, успешной и почти бескровной. Всего две недели и два смелых решения – провести шведский флот по мелководному фарватеру и высадить войска на остров Зеландия за спиной короля Фредерика – потребовалось для того, чтобы восстановить в правах союзника Швеции, герцога Гольштейн-Готторпского, и вывести из войны одного из противников. Но успех этой блестящей молниеносной кампании был заслугой не одних шведов – без участия англо-голландского флота высадка зelandского десанта не могла бы состояться.

Итак, Дания из войны выбыла. Карл понимал, что при первом удобном случае Фредерик снова выступит против него, но время было выиграно. Теперь Карл готовился направить свои силы против второго противника. По завершении датской кампании он полагал, что следующим его неприятелем будет польский король Август. Но судьба распорядилась иначе. Следующий удар шведов обрушится на русского царя Петра.